

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 36—47.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 36—47.

Научная статья

УДК 821.161.1-192

DOI: 10.46726/И.2022.4.4

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РОК-ПОЭЗИИ ХЕЛАВИСЫ (НАТАЛЬИ О'ШЕЙ) (На примере альбома «Манускрипт»)

Руслан Васильевич Любарский

Средняя общеобразовательная школа № 57, г. Брянск, Россия, ludmila12a@rambler.ru

Аннотация. Рок-поэзия Хелависы, солистки и автора песен группы «Мельница», не остается без внимания исследователей. Творчество Натальи О'Шей рассматривается как в языковедческом и музыкальном, так и в литературоведческом аспектах. Отдельного внимания заслуживает мифопоэтика произведений данного автора. Актуальность исследования данной проблемы определяется тем, что рок-поэзия Хелависы характеризуется новым подходом к изображению ирреальной картины мира в современной литературе, в том числе и через мифологические образы. В статье рассмотрена специфика создания мифических образов в рок-пространстве Хелависы на примере песен альбома «Манускрипт». Исследована песня «Апельсиновая баллада» в качестве художественного пространства для переосмысления библейского сюжета о Петре и Тавифе как индивидуально-авторского романтизированного повествования. В песне «Филидель» выявлено художественное воплощение функций и свойств фейри — образов мифических существ кельтской мифологии: «обладание эзотерическими знаниями» и «власть над силами природы». Мифопоэтика занимает значимое место в альбоме Хелависы «Манускрипт». В альбоме активно проявляется соприкосновение элементов обывательской реальности с инобытийной. В песне «Филидель» элементы природы приобретают ирреальное значение благодаря заклинанию фейри. В произведении «Апельсиновая баллада» происходит романтизированное соприкосновение Тавифы с чудом, имеющим божественную основу. Однако в отличие от остальной художественной практики Хелависы в альбоме содержится представление о многообразии миров, воплощенное с помощью мифологических существ («Джинн», «Грифон»).

Ключевые слова: Хелависа, рок-поэзия, мифологические образы, «Мельница», «Манускрипт», фейри

Для цитирования: Любарский Р.В. Мифологические образы в рок-поэзии Хелависы (Натальи О'Шей): (на примере альбома «Манускрипт») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 36—47.

Original article

MYTHOLOGICAL IMAGES IN THE ROCK POETRY OF HELAVISA (NATALIA O'SHAY) (On the example of the album "Manuscript")

Ruslan V. Lyubarsky

Secondary school № 57, Bryansk, Russian Federation, ludmila12a@rambler.ru

Abstract. The rock poetry of Helavisa, the soloist and songwriter of the group "Melnitsa", does not remain without the attention of researchers. Natalia O'Shay's work is considered both in linguistic, musical, and literary aspects. The mythological originality of the works of this author deserves special attention. The relevance of the study of this problem is determined by the fact that Helavisa's rock poetry is characterized by a new approach to depicting the unreal picture of the world in modern literature, including through mythological images. The article considers the specifics of artistic modeling of mythical images in the rock space of Helavisa on the example of the songs of the album "Manuscript". The song "Orange Ballad" is investigated as an artistic space for rethinking the biblical story about Peter and Tabitha as an individual author's romanticized narrative. The song "Philidel" reveals the artistic embodiment of the functions and properties of the images of mythical creatures of Celtic mythology — fairies: "possession of esoteric knowledge" and "power over the forces of nature". Mythopoetics occupies a significant place in Helavisa's album "Manuscript". The album actively shows the contact of elements of the philistine reality with the otherworldly. In the song "Philidel", elements of nature acquire an unreal meaning thanks to a fairy spell. In the "Orange Ballad" there is a romanticized contact of Tabitha with a miracle that has a divine origin. However, unlike the rest of Helavisa's practice, the album contains the idea of the diversity of worlds, embodied with the help of mythological creatures ("Genie", "Griffin").

Keywords: Helavisa, rock poetry, mythological images, "Mill", "Manuscript", fairy

For citation: Lyubarsky R.V. Mythological images in the rock poetry of Helavisa (Natalia O'Shea): (On the example of the album "Manuscript"), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 36—47.

Рок-поэзия Хелависы (Натальи О'Шей), солистки и автора текстов группы «Мельница», стала предметом исследования многих научных работ. Д.В. Хусаинова и О.И. Осетрова рассматривают творчество Хелависы в языковедческом аспекте. Авторы исследуют семантическое поле «Растения» в контексте песен рок-исполнительницы [Хусаинова, Осетрова].

О.В. Пивницкая, в свою очередь, изучает произведения Хелависы как феномен фолк-этно-рока: «Творчество группы "Мельница" характеризует неповторимое сочетание фолка и рока (в музыке) с эпосом и фэнтези — в песенных текстах. Особого внимания заслуживает вокал Натальи О'Шей» [Пивницкая: 130]. Автор отмечает, что работа Хелависы, связанная с освоением кельтских народных песен, отразилась как на её вокале (сочетание русской и ирландской песенной традиции), так и на создании текстов для группы «Мельница».

Творчество Натальи О'Шей богато элементами мифологического сознания разных культур. Следовательно, особое внимание уделяется изучению как мифопоэтической системы произведений группы «Мельница», так и ее отдельных мифологических составляющих. Е.К. Дробышева анализирует мифопоэтику А. Васильева и Н. О'Шей, которая является следствием заимствования мифологических образов и сюжетов [Дробышева]. Д.А. Холина

и Е.Г. Тер-Оганова рассматривают понятие смерть во взаимодействии с мифопоэтическим пространством произведений Хелависы [Холина, Тер-Оганова]. Однако К.И. Одинцова и М.В. Олюнина сосредоточились на мифообразе кицуне из одноименной песни Хелависы [Одинцова, Олюнина]. Образ кицуне в песне является следствием переосмысления образа лисы-оборотня из японского фольклора как символического изображения гармоничной любви.

Мы, в свою очередь, в статье «Художественное моделирование идей К. Кастанеды в рок-поэзии Хелависы» исследовали специфику художественного воплощения концепций Карлоса Кастанеды, основанных на мифологии индейцев яки, в песнях Хелависы «Дорога Сна», «Воин Вереска» и «Шаман» [Любарский 2016]. При этом в статье «Освоение концепции “многообразие миров” К. Кастанеды в рок-поэзии Хелависы» мы сосредотачиваем внимание на сущности отражения идеи «многомирия» Кастанеды в рок-пространстве Натальи О’Шей [Любарский 2019].

Отдельного внимания заслуживает специфика воплощения мифологических образов в песнях из альбома Хелависы «Манускрипт», выпущенного в 2021 году. При этом песни «Грифон» и «Мне нужен снег» Хелависа написала в соавторстве с Ольгой Лишиной.

Песня «Апельсиновая баллада» представляет собой художественное пространство, в котором Хелависа переосмысляет библейский сюжет о Петре и Тавифе. Согласно христианской мифологии жизнь Тавифы была праведной: «В Иупии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: “серна”; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь» [Новый Завет... 9:36: 269]. Апостол Петр, узнав о смерти Тавифы, возвращает ее к жизни: «Петр выслал всех вон, и, преклонив колена, помолился, и, обратившись к телу, сказал: “Тавифа! встань”. И она открыла глаза свои и, увидевши Петра, села» [Новый Завет... 9:40: 269]. Именно жизнь Тавифы, посвященная христианским добродетелям, послужила катализатором для ее последующего воскрешения апостолом Петром. «Апельсиновая баллада», напротив, следствие художественного моделирования образов Петра и Тавифы, помещенных в субъективно-авторский сюжет, основанный на библейском.

Произведение начинается с изображения автором девушки, находящейся вне этого мира:

Этот город соткан из цветов,
Между берегов, садов, мостов —
Девушка, застрявшая во времени [Мельница]¹

Обывательская реальность характеризуется определенным течением времени. Следовательно, присутствие героини в произведении в качестве «застрявшей во времени» свидетельствует о том, что она не подчиняется темпоральным законам повседневности. Значит, персонаж Хелависы находится в инобытийном мире. Обратнический мотив, представленный в песне, дает понять, что таинственный персонаж Натальи О’Шей — это Тавифа:

Было бы куда вернуться,
Враз проснуться, разогнуться, и
Обернуться золотою серною... [Мельница]

¹ Здесь и далее тексты Мельницы приводятся по этому источнику.

В «Новом Завете» упоминается, что ономастика имени Тавифа связана с «серной». Однако стремление пробудиться трактуется как преодоление смерти главной героиней посредством мистического преображения в «золотую серну». Данный аспект свидетельствует о магической природе персонажа Хелависы. Преодоление смерти коррелирует с возвратом Тавифы из ирреального пространства, находящегося за пределами временного хода обывательского мира. В следующем куплете пробуждение ото сна все больше отождествляется со смертью. Неслучайно Наталья О'Шей вводит в свое произведение мифический мотив воскрешения Тавифы апостолом Петром, упоминая, что «смерти больше нет»:

Встань и иди!
Иди ко мне, смерти больше нет, Тавифа,
Встань и шагай —
Шагай за мною, из камня по камню за мной,
За мной, Тавифа... [Мельница]

Тем самым Тавифа существует вне времени обывательской реальности, что связано с пребыванием праведницы в инобытии, которое, в свою очередь, является своеобразным миром смерти, из которого ее спасает Петр. При этом призыв следовать за Петром, направленный к Тавифе, свидетельствует об определенной связи между праведниками. Однако в отличие от трактуемых лишь с библейской позиции персонажей, а именно: совершающий по отношению к праведно живущему субъекту чудо апостол, образы Петра и Тавифы осмысляются Хелависой как романтизированные. Ночь становится интимным миром для духовно близких героев. Таким образом, их духовное единение солистка группы «Мельница» показывает через метафоры «двери» и «ключа»:

Если ты мне дверь,
Я тебе стану ключом
<...>
Двое в ночи,
Ветер горчит... [Мельница]

Библейская праведность Тавифы сопряжена с метафорическим осмыслением сердца героини в качестве апельсина. Неспроста осуществляется сравнение сердца-апельсина с луной, которая, наряду с ночью, также создает романтический ореол для Петра и Тавифы. Хелависа пишет: «Рыжая луна — / Как сердца твоего апельсин» [Мельница]. В европейском романтизме авторами активно использовался хронотоп ночи. По мнению различных исследователей, ночь служит укрытием от неприглядной жизни и вносит в нее недостающую гармонию. Как правило, авторы описывают интимную ночную обстановку: свет звезд и луны. В.А. Красман пишет, что «в романтических текстах часто выводится на первый план иллюзорность ночи, её фантастичность, связанная с категорией сна. Возникают проблемы соотношения сна и смерти, сна и иллюзии, сна и яви» [Красман: 19]. В мифологическом пространстве Хелависы мир смерти соотнесен со сном, а ночной хронотоп представляет собой укрытие от данной реальности в повседневной обстановке города.

Таким образом, помимо включения в произведение индивидуально-авторского инобытийного феномена, Хелависа превращает апостольское деяние в романтизированный сюжет о двух духовно близких героях.

Песня Хелависы «Филидель» имеет мистическую основу. Как свидетельствует Наталья О'Шей: «Пару лет назад мне довелось заниматься переводом пьесы Джона Драйдена “Король Артур, или Честь Британии” для постановки соответствующей оперы Генри Перселла. Постановка эта особо не прогремела, и текст никуда не пошел, но колдовские стишки гендерно неопределившегося фейри Филиделя я отложила в свою записку, поскольку есть в них и “истинно английская магия”, и ритм, хорошо дающийся русскому языку переводчика, выросшему на Маршаке и Лозинском» [Хелависа рассказала магическую...]. Фейри представляют собой фантастических существ из кельтской мифологии, которые получили известность благодаря публикациям английских писателей. В кельтском фольклоре образ фейри трактовали неоднозначно: одни жили вдалеке от людей, при этом встреча с данными волшебными созданиями могла завершиться бедой; другие были друзьями, оберегающими человека от несчастий. Следовательно, фейри Филидель, являющийся героем одноименной песни, имеет ирреальную природу. В произведении Натальи О'Шей Филидель — магический друг и помощник Короля:

Кто с тобою до конца,
Кто поклялся быть с тобой —
Я с тобою, мой Король [Мельница]

В творчестве У. Шекспира фейри изображаются в качестве сверхъестественных существ, обладающих мистическими функциями и свойствами. По мнению С.О. Зотова: «фейри в представлении Шекспира — это прежде всего существа, обладающие сверхъестественными свойствами: скоростью, размерами» [Зотов: 297]. Песня Хелависы не является исключением: фейри Филидель также наделен магическими способностями. В произведении Филидель произносит заклинание, которое должно определенным образом помочь Королю. С другой стороны, сама песня Хелависы и есть цельное колдовское заклинание фейри Филиделя. Однако в этой ритуально-магической речи фейри призывает силы природы:

Ты морозен и искрист,
Господин мой Остролист,
<...>
В горло сбитый свиристель —
Повелитель певчих птиц,
Зимних радужных зарниц [Мельница]

В магическом призыве Филиделя растение остролист выполняет функцию божества природы. Остролист представляет собой растение, способное выживать в практически любых природных условиях и вооруженное колючками и ядовитыми кроваво-красными ягодами. Филидель просит связанные с данным аспектом ирреальные силы защитить Короля в битве, в которой правителю будет необходима устойчивость ко всем невзгодам, а также возможность дать отпор неприятелю. Помимо Остролиста в роли божества, управляющего определенными природными элементами, выступает «повелитель певчих птиц» и «радужных зарниц» — свиристель. Как пишет О.А. Плахова,

«наделение объектов жизнью, владение тайнами жизни и смерти — прерогатива богов, и в этом плане, являясь по своей сути природными духами, фейри, уступая древним богам в могуществе, тем не менее, имеют огромную власть над природой» [Плахова: 243]. Также О.А. Плахова отмечает связь фейри с природой посредством водной стихии, что наблюдается в англоязычных сказках: «В англоязычном сказочном дискурсе водоемы являются привычным местом обитания водных духов, хотя отмечены также отдельные случаи упоминания водных источников в качестве ареала распространения фейри» [Плахова: 358]. Следовательно, Филитель в произведении Хелависы выполняет типичную функциональную особенность фейри — власть над природой.

Помимо вышеописанных божеств, фейри возносит мольбы и к Чертополоху. При этом Чертополох также приобретает в песне не только категорию одушевленности, но и божественный статус:

Ты хозяин верных слов,
Господин Чертополох,
Ветер северных племён,
Мастер истинных имён
Мастер истинных мастей... [Мельница]

Магически-божественная сущность Чертополоха заключается не только в его связи с определенным родом природной составляющей. Чертополох вбирает в себя сакральные мистические знания: он властелин слов, являющихся основой человеческого представления о мире. О.А. Плахова при изучении англоязычного сказочного дискурса выделяет «эзотерическое знание» как функциональную особенность фейри. Как поясняет исследователь, «знания фейри, значительно превосходящие глубиной проникновения в суть вещей знания человека, манифестируются в сказочном дискурсе в ЛЕ с корневой основой know...» [Плахова: 243]. Не менее интересно изображение в колдовской песне-заклинании Филителя старца Можжевельника. Данное ирреальное создание так же, как и Чертополох, обладает тайными сведениями о сути вещей. Однако сакральный характер знаний коррелирует с осведомленностью субъекта о грядущей беде. При этом сведения о возможной неприятности доступны лишь Королю и его верному другу Филителю. Хелависа пишет:

Ох и тяжела рука
Старца-Можжевельника,
<...>
Совы дремлют на ветвях
Совы дремлют на костях,
<...>
Обернёшься — жди беды [Мельница]

О Можжевельнике как о вместилище магических знаний свидетельствуют совы, располагающие как на ветвях божества, так и на костях погибших. В греческой мифологии сова была спутницей богини Афины и олицетворяла, как и сама богиня, мудрость и сопряженные с ней познания. Таким образом, божество Чертополох, как и Можжевельник, вбирает в себя одну из важнейших функций фейри — «носитель эзотерического знания». При этом если Филитель способен призвать силу данного божества, а также направлять

ее в определенное русло, то эзотерические знания Чертополоха и Можжевелика отчасти доступны и фейри.

Произведение «Грифон» является пространством для моделирования исторических составляющих древнеримской цивилизации. Причем на ее фоне лирический герой песни желает, чтобы его нашел близкий ему человек — брат. При этом ожидающий брата находится на грани гибели:

То ли рычат львы императора,
То ли мотор ревет за стеной,
Если здесь брат убивает брата,
Брат мой — явись за мной.
<...>
Покуда зверям меня не отдали,
Брат мой — найди меня,
Брат мой — найди [Мельница]

Хелависа и Лишина описывают древнеримский мир посредством лексем «львы» и «император», которые являются его неотъемлемой частью. Своего предполагаемого брата лирический герой связывает с мифологическим существом — грифоном:

Мне нужен волк — говорила она —
Мне нужен орёл,
Мир добела раскалён.
Мне нужен орёл — говорила она —
Мне нужен волк,
И может быть, даже грифон [Мельница]

По мнению, А.И. Мацыны, мифический образ грифона — следствие мышления людей, отражающий концепцию «многомирия». По мнению исследователя, «птицы были отображением верхнего мира, копытные изображали срединный мир, а представителями нижнего мира выступали рыбы и пресмыкающиеся» [Мацына: 16]. Однако «грифон — существо одновременно и хищное, и крылатое, не чуждое верхнему миру — связывает, объединяет собой все три зоны мироздания. Он прекрасно вписывается в схему Мирового Дерева, ствол которого мыслился не только как ось мира, но и как путь, по которому можно перемещаться из одного мира в другой, связь между мирами представлялась необходимой и для богов, и для людей» [Мацына: 16].

Следовательно, в песне Хелависы и Лишиной лирический герой сначала олицетворяет родного ему человека с волком, тем самым связывая собственного брата со срединным миром. Но неопределенность персонажа Хелависы и Лишиной приводит к тому, что он уже предполагает сопряженность своего брата с орлом — верхним миром. В конечном итоге, нуждающийся в близком человеке герой останавливается на грифоне, выполняющем схожие с шаманом функции проводника между реальностями. Соотнесение брата с грифоном делает данного субъекта ирреальным явлением, способным перемещаться между действительностями. Тем самым возникает мифопоэтическое пространство, состоящее из двух отдельных реальностей — срединной и верхней, объединенных с помощью образа грифона и мифа о Мировом Дереве. Стоит отметить, что обе части мифообраза грифона так или иначе присутствуют в песне. Кроме орла, олицетворяющего отнесенность субъекта

к верхнему миру, в «Грифоне» появляется лев, составляющая срединной действительности, как элемент Древнего Рима, выступающий скорой причиной смерти персонажа песни. В желании совместить близкого человека с грифоном прослеживается намерение уйти от смертельной участи в повседневном мире путем перемещения в новую реальность.

Данное мифопоэтическое пространство, основанное на связи образа грифона и мифологической концепции Мирового Дерева, типологически сходно с многоуровневым построением мироздания Карлоса Кастанеды. По мнению мистика, «мир похож на луковицу своими многими уровнями. Тот мир, который мы знаем — это лишь один из многих. Иногда мы пересекаем границы и выходим в другие плоскости, другие миры, очень похожие на наш, но не совпадающие с ним» [Кастанеда 2013а: 194]. Если мифопространство песни Хелависы и Лишиной соткано из представления о двух возможных мирах, то концепция Кастанеды предполагает наличие бесконечного множества действительностей.

Похожая мифолого-художественная модель представлена в песне «Джинн». Произведение начинается с описания лирической героиней собственного дома, который примечателен «царственными лозами», «кварцевыми листьями» и «пепельными гроздьями»:

У моего дома царственные лозы —
Кварцевые листья, пепельные грозди
Лозы из гробницы, лозы из раскопа
Их прямые спины — словно древки копий [Мельница]

Однако героиня покинула родные пенаты. При этом уход из дома сопровождается разбитием лампы, после чего джинн вырывается наружу:

Я ушла из дома, я разбила лампу,
Выпустила в поле верхового джинна
Там, где зрели лозы — зреют только камни
Не найти домой дорогу мне отныне [Мельница]

Как отмечают В.А. Матросов и М.В. Кривошеева, джинны — сверхъестественные существа исламской мифологии, которые «являются разумными существами, сотворенными Аллахом из чистого пламени. Как и люди, они обладают категорией души (нафс), что позволяет им выбирать между добром и злом, между правильными и неправильными поступками: словом, они могут встать на праведный путь, или же отречься от Всевышнего. Обитая рядом с людьми, джинны остаются невидимыми для них и формируют нечто вроде “параллельного мира”» [Матросов, Кривошеева: 99]. Помимо частично отраженного в песне западноевропейского представления о джинне, который должен находиться в лампе, образ данного сверхсущества не может осмыслиться вне исламского вероучения. Так как джинны обитают в отличной от обывательского мира действительности, то, скорее всего, выпущенный на волю героиней Хелависы ирреальный феномен оказался в своей родной стихии.

Н.А. Маничкин рассматривает образ джинна в качестве «множества мелких существ, подчас имеющих зооморфный облик (преимущественно, насекомых, пресмыкающихся или амфибий) и могущих принимать разнообразные формы; джинны связаны с темной, ночной стороной бытия, могут входить в человека и выходить из него (часто через рот); джинны обладают

волшебной силой и помогают шаманам, даруя им магическую власть и возможность преодолевать “границы миров”» [Маничкин: 184]. Следовательно, джинн не только живет в ирреальной действительности, но и способен путешествовать между мирами. Причем данные инобытийные существа могут служить источником силы шаманов для перемещения из одной действительности в другую. Герой Хелависы никогда не сможет найти дорогу домой без джинна. Тем самым джинн являлся своеобразным проводником в иную реальность для персонажа солистки группы «Мельница», а значит дом лирической героини — инобытийная действительность. Мотив недостижимости собственного дома в песне Хелависы соотносится с идеей мнимости Икстлана Кастанеды. Дон Хенаро, сколько бы он ни шел, никогда не достигнет Икстлана, что ставит под сомнение существование данного города: «— Я никогда не дойду до Икстлана, — твердо, но очень тихо, едва слышно проговорил он. — Иногда бывает — я чувствую, что вот-вот, еще немного, еще один шаг — и я дойду. Но этого не будет никогда”» [Кастанеда 2013b: 283]. Прозрачность кастанедовского города превращает его в инобытийное явление. Следовательно, дом героини Хелависы также связан с категорией мнимости, что противопоставляет его обыденной реальности и приобщает к ирреальной.

При этом дом героини Хелависы является инобытийным феноменом не только в связи с его недостижимостью без потусторонней помощи и мифологической природой ирреального создания, но и с необходимостью использования самого могущественного джинна для путешествия в место «царственных лоз». Данный аспект расходится с западноевропейским представлением о джиннах, исходя из которого любой из них, благодаря словесно выраженному желанию, смог бы осуществить перемещение в любую точку мира, которая бы не являлась иной действительностью.

Неслучайно потерявший дорогу к родному дому выражает намерение получить сильнейшего джинна для того, чтобы оказаться в желаемом месте:

Просто мне нужен джинн,
Мне очень нужен джинн, любой ценою
Нужен отменный джинн, чтоб добраться домой, царь царей [Мельница]

Мифологическое пространство, аналогичное присутствующему в песне «Грифон», произведения «Джинн» состоит из мистической идеи о нескольких мирах, а также о джинне, способном не только находиться в инобытии, но и осуществлять перемещение туда того или иного субъекта. Таким образом, песни «Джинн» и «Грифон» представляют собой мифопоэтическую систему, основа которой — представление о «многомирии». Причем составными мифологическими элементами этой системы являются джинн и грифон.

Мифопоэтика занимает значимое место в альбоме Хелависы «Манускрипт». Песни наполнены образами волшебных существ («Джинн», «Грифон», «Филидель»). При этом в произведении «Апельсиновая баллада» присутствуют художественно переосмысленные библейские персонажи — Петр и Тавифа. Однако в песне «Апельсиновая джига», где нет внешнего наполнения мифообразами, прослеживается связь образа «апельсиновой кожуры» с «сердцем-апельсином» из «Апельсиновой баллады», связанном с мифической героиней Тавифой. В альбоме активно проявляется взаимодействие элементов магической действительности и составляющих обывательского мира посредством ирреального создания. Неслучайно в песне «Филидель» природа,

часть мира людей, наполняется ирреальным смыслом благодаря заклинанию фейри. А в произведении «Апельсиновая баллада» происходит романтизированное соприкосновение Тавифы с чудом, имеющим божественную основу. Однако, в отличие от остальной практики Хелависы, в альбоме содержится аллюзия на существование множества реальностей, реализованная с помощью мифологических существ («Джинн», «Грифон»).

Список литературы / References

- Дробышева Е.К. Мифопоэтический компонент и его функции в лирике А. Васильева и Н. О'Шей // Филологические открытия: сборник научных статей VII Международной научно-методической конференции. Владивосток, 2019. С. 202—206.
(Drobysheva E.K. The mythopoetic component and its functions in the lyrics of A. Vasiliev and N. O'Shay, *Philological discoveries. Collection of scientific articles of the VII International Scientific and Methodological Conference*, Vladivostok, 2019, pp. 202—206. — In Russ.)
- Зотов С.О. Фольклор или литература: образы фейри и ведьм в пьесах Шекспира // Научный потенциал: работы молодых ученых. 2015. № 1. С. 295—303.
(Zotov S.O. Folklore or literature: images of fairies and witches in the plays of Shekspir, *Scientific potential: works of young scientists*, 2015, no. 1, pp. 295—303. — In Russ.)
- Кастанеда К. Искусство Сновидения. М.: София, 2013а. 288 с.
(Kastaneda K. *The Art of Dreaming*, Moscow, 2013a. 288 p. — In Russ.)
- Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. М.: София, 2013б. 288 с.
(Kastaneda K. *Journey to Ixtlan*, Moscow, 2013b. 288 p. — In Russ.)
- Красман В.А. К вопросу о специфике «ночного хронотопа» в европейском романтизме // Молодой ученый. 2011. Т. 2, № 5 (28). С. 18—20.
(Krasman V.A. On the question of the specifics of the “night chronotope” in European Romanticism, *Young Scientist*, 2011, vol. 2, no. 5 (28), pp. 18—20. — In Russ.)
- Любарский Р.В. Освоение концепции «многообразие миров» в рок-поэзии Хелависы // Образовательная система в рамках процесса совершенствования современного научного знания: сборник научных трудов. 2019. С. 21—25.
(Lyubarskij R.V. Mastering the concept of “diversity of worlds” in the rock poetry of Helavisa, *The educational system as part of the process of improving modern scientific knowledge. Collection of scientific papers*, 2019, pp. 21—25. — In Russ.)
- Любарский Р.В. Художественное моделирование идей К. Кастанеды в рок-поэзии Хелависы // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 141—148.
(Lyubarskij R.V. Artistic modeling of K. Castaneda's ideas in Helavisa's rock poetry, *The Bryansk State University Herald*, 2016, no. 4 (30), pp. 141—148. — In Russ.)
- Маничкин Н.А. Образ джинна в центрально-азиатском фольклоре // Наука, новые технологии и инновации. 2015. № 3. С. 182—184.
(Manichkin N.A. The image of the genie in Central Asian folklore, *Science, new technologies and innovations*, 2015, no. 3, pp. 182—184. — In Russ.)
- Матросов В.А., Кривошеева М.В. Между джинн и шайттин: недосказанное // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2 (12). С. 96—108.
(Matrosov V.A., Krivosheeva M.V. Between jinn and shaitin: the unsaid, *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, 2020, no. 2 (12), pp. 96—108. — In Russ.)

- Мацына А.И. Грифон. К содержанию образа // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. № 1 (9). С. 15—34.
(Macyna A.I. Gryphon. To the content of the image, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1999, no. 1 (9), pp. 15—34. — In Russ.)
- Мельница — Манускрипт (2021) // Мельница — официальный сайт. URL: <https://melnitsa.info/portfolio/manuscript/> (дата обращения: 06.12.2021).
(Mel'nica — Manuscript (2021), *Mel'nica — official site*. — In Russ.)
- Новый Завет и псалтырь. 655 с.
(The New Testament and the Psalter. 655 p. — In Russ.)
- Одинцова К.И., Олюнина М.В. Образ китцуне в одноименной песне группы «Мельница» // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сборник материалов IV Международной молодежной научно-практической конференции. 2018. С. 296—300.
(Odincova K.I., Oljunina M.V. The image of kitsune in the song of the same name by the group “Mel'nica”, *World literature through the eyes of modern youth. The digital age. Collection of materials of the IV International Youth Scientific and practical Conference*, 2018, pp. 296—300. — In Russ.)
- Пивницкая О.В. Феномен фолк-этно-рока в отечественной песенной культуре и перспективы его освоения в классе эстрадно-джазового вокала // Музыкальное искусство и образование. 2021. Т. 9, № 1. С. 121—135.
(Pivnickaja O.V. The phenomenon of folk-ethno-rock in the Russian song culture and the prospects for its development in the class of pop-jazz vocals, *Musical Art and Education*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 121—135. — In Russ.)
- Плахова О.А. Влияние кельтской мифологической традиции на мифологические представления в англоязычном сказочном дискурсе // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 357—361.
(Plahova O.A. The influence of the Celtic mythological tradition on mythological representations in the English-language fairy-tale discourse, *Izvestia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 357—361. — In Russ.)
- Плахова О.А. Манифестация представлений о фейри как носителях магического знания в англоязычном сказочном дискурсе // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2012. № 3 (26). С. 239 — 248.
(Plahova O.A. Manifestation of ideas about fairies as carriers of magical knowledge in English fairy-tale discourse, *Bulletin of Pacific National University*, 2012, no. 3 (26), pp. 239—248. — In Russ.)
- Хелависа рассказала магическую историю песни «Филидель» // Наше радио. 2021. 21 март. URL: <https://www.nashe.ru/news/khelavisa-rasskazala-magicheskuyu-istoriyu-pesni-filidel/> (дата обращения: 30.01.2021).
(Helavisa told the magical story of the song “Filidel”, *Our Radio — official site*, March 21, 2021. — In Russ.)
- Холина Д.А., Тер-Оганова Е.Г. Концептуализация смерти в мифопоэтической картине мира современной русской рок-поэзии (на примере творчества группы «Мельница») // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. № 10. С. 257—272.
(Holina D.A., Ter-Oganova E.G. Conceptualization of death in the mythopoetic picture of the world of modern Russian rock poetry (on the example of the creativity of the group “Mel'nica”), *Language, communication and social environment*, 2012, no. 10, pp. 257—272. — In Russ.)

Хусаинова Д.В., Осетрова О.И. Сематическое поле «растения» в творчестве Н.А. О'Шей // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Сер. Лингвистика. Вып. 1 (25). Ульяновск: УлГУ, 2020. С. 37—40.

(Husainova D.V., Osetrova O.I. The semantic field of “plants” in the works of N.A. O'Shay, *Scientific notes of the Ulyanovsk State University. Actual problems of the theory of language and linguodidactics. Linguistics series*, Ulyanovsk, 2020, iss. 1 (25), pp. 37—40. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 06.02.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 08.12.2022; approved after reviewing 06.02.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Любарский Руслан Васильевич — кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 57, г. Брянск, Россия, ludmila12a@rambler.ru

Lubarsky Ruslan Vasilyevich — Candidate of Sciences (Philology), teacher of Russian language and literature, Secondary school № 57, Bryansk, Russian Federation, ludmila12a@rambler.ru